

Шакун Л. М. Гісторыя беларускай літаратурнай мовы. Мн., 1984.
 Янкоўскі Ф. М. Гістарычная граматыка беларускай мовы. Мн., 1974.

Паступіў у рэдакцыю 17.04.2003.

Вольга Уладзіміраўна Басько – аспірантка кафедры гісторыі беларускай мовы. Навуковы кіраўнік – кандыдат філалагічных навук, дацэнт Г.К. Ціванова.

О.С. ЗАРЕМБО

ЗНАЧЕНИЕ ЕЛЛИНОСЛОВЕНСКОЙ ГРАММАТИКИ "АДЕЛЬФОТИС" (ЛЬВОВ, 1591) В ИСТОРИИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Характеризуются место и роль греческо-церковнославянской грамматики "Адельфотис" (Львов, 1591) в восточнославянской грамматической традиции, приводятся сведения, касающиеся авторов греческой и славянской частей "Адельфотиса", сопоставляются точки зрения современных лингвистов на статус и характер этой грамматики, систематизируются результаты анализа языковой структуры "Адельфотиса".

The article determines the place and the role of the Greek-Church Slavonic Grammar "Adelphotes" (Lvov, 1591) in the East Slavic grammar tradition. The article gives information about the authors of the Greek and Slavic parts of the "Adelphotes", compares various points of view of contemporary linguists concerning the status and character of the Grammar. The results of the language structure analysis of the "Adelphotes" are systematized in the article.

1. Греко-латинское влияние в европейской грамматической традиции XVI–XVII вв. Первые грамматики народных языков появляются в разных странах в XV–XVII вв. По своей методологии, по направлению классификации языкового материала они следовали латинским грамматикам Доната (IV в.) и Присциана (начало VI в.). В ранних восточнославянских грамматиках в значительной мере отражается влияние греческой грамматической традиции, характерной чертой которой до конца XVIII в. является отождествление грамматического строя разных языков, что связано с византийским влиянием на восточнославянскую культуру этого времени. Первые европейские грамматики народных языков и первые церковнославянские появляются в результате приложения грамматических классификаций, созданных для греческого и латинского языков, к собственному языковому материалу (см. Бокадорова 1987; Косарик 2001). Однако составление грамматик даже на первых порах не было механическим перенесением заимствованных грамматических схем на материал нового языка, поскольку при "калькировании" грамматик у переводчиков появляется необходимость найти в своем языке грамматический эквивалент для той или иной категории классического языка.

2. История создания грамматики "Адельфотис", ее источники и авторы. Грамматика "Адельфотис", первая печатная грамматика в ареале Slavia Orthodoxa, создавалась как пособие по греческому языку. Почти каждой греческой странице (на левой стороне) приводится перевод на церковнославянский язык (на правой стороне), причем переведены не только метаязыковые высказывания, но и сами факты греческого языка – примеры, парадигмы склонения и спряжения. По сути, в своей славянской половине "Адельфотис" является грамматикой церковнославянского языка, скалькированной с греческой. "ΑΔΕΛΦΟΤΗΣ. Грамматика доброглаголивого еллинословенского языка" была издана в 1591 г. типографией Львовского ставропигиального братства.

Львовское православное братство – древнейшее в Великом княжестве Литовском – было основано в 1439 г. При нем были основаны братское училище и типография в 1586 г. Первым ректором Львовского братского училища был грек по происхождению, архиепископ Доминикский и Элассонский Арсений. Константинопольский патриарх Иеремия в 1589 г. возвел Львов-

ское братство в степень своей ставропигии (братство становилось независимым от власти местного епископа и непосредственно подчинялось константинопольскому патриарху). Львовская школа называлась "греко-словенской": здесь не только преподавались греческий и церковнославянский языки, но и само преподавание велось по-церковнославянски и по-гречески. От учеников также требовалось говорить на этих двух языках, использование "прóстой мовы" было запрещено Уставом школы (см. Порядок 1586, 12). Латинский язык в Львовской школе не изучался долгое время, но постепенно школьная программа расширялась: были введены латинский и польский языки (XVII в.). Однако латино-польская наука не вытеснила греко-славянской и Львовская школа, будучи православной, по-прежнему оставалась "греко-славянской". Дошедшие до нас учебники, изданные во Львове, написаны на церковнославянском или на греческом и церковнославянском языках.

Автором греческой части грамматики является архиепископ Элассонский и Доминикский Арсений, который с июня 1586 г. до мая 1588 был преподавателем греческого языка в Львовской братской школе. Возможно, его соавтором был Кирилл Транквиллион Ставровецкий, преподававший греческий язык в братской школе после отъезда Арсения из Львова (см. Возняк 1921, 77; Нимчук 1985, 44). Церковнославянский перевод грамматики был сделан учениками братской школы, о чем говорится в самой грамматике: "...сложена с п у д е й м и иже въ лвовской школе". Некоторые исследователи также полагают, что среди учеников-переводчиков мог быть Лаврентий Зизаний (см. Студинский 1895, 4).

Основным источником греческой части "Адельфотиса" является византийская грамматика Константина Ласкариса (1434–1501) (см. Lelewel 1823, 185; Студинский 1895, 11), византийского ученого, хранителя и переписчика рукописей. После падения Константинополя приехавший в Италию ученый написал труд *"Compendium octo orationis partium"*, вышедший впервые в 1476 г. в Милане. Эта первая греческая грамматика, напечатанная в Италии, была наиболее известна в Европе и после часто издавалась и переиздавалась. В основу вопросно-ответной грамматики Ласкариса было положено учение Дионисия Фракийского (II в. до н. э.), о чем сказано в предисловии к одному из изданий грамматики Дионисия: *"ex illis erotematis pendente ei technici, quorum opera effectum est, ut in Italia litterae Graecae renascerentur, Emmanuel Chrysoloras, Theodorus Gasa, Constantinus Lascaris"* (Prolegomena 1884, VI) [на эти вопросы опираются те грамматисты, труды которых создавались для возрождения греческого письма в Италии, Эммануил Хрисолор, Теодор Газа, Константин Ласкарис].

Издатели "Адельфотиса" пользовались также грамматиками греческого языка Филиппа Меланхтона (Франкфурт-на-Майне, 1544), Мартина Крузия (Базель, 1566) и Николая Кленарда (Женева, 1580). Источники некоторых частей грамматики не установлены (см. Студинский 1895, 13–15); возможно, они оригинальны и принадлежат Арсению Элассонскому и Кириллу Ставровецкому (см. Нимчук 1985, 45).

3. Вопрос о назначении "Адельфотиса" в истории его изучения. Одной из основных проблем в истории изучения "Адельфотиса" является вопрос о предмете грамматики.

1. Одни исследователи считают "Адельфотис" грамматикой только греческого языка, поскольку создавался он как пособие по греческому языку, а его славянская часть представляет собой буквальный перевод с греческого, дополненный церковнославянскими примерами (см. Студинский 1895; Булич 1910). Эти авторы усматривают "курьезность" в полном калькировании греческих схем (см. Соболевский 1980, 85), не научность и полагают, что началом славянской грамматической традиции следует считать грамматики собственно церковнославянского языка – Зизания и Смотрицкого (см. Жи-

тецкий 1889; Булич 1910). В целом, разнясь в деталях, эти исследователи склонны считать, что "грамматика эта не могла иметь влияния на нашу письменность, так как служила руководством к изучению языка греческого, а не славянского" (Засадкевич 1883, 77).

Оценка первых церковнославянских грамматик как "донаучных" характерна для большинства ученых XIX в. в силу господства в лингвистике этого времени познавательных установок сравнительно-исторического языкознания и скептического отношения к традиции всеобщих и универсальных грамматик, поэтому описательное языкознание оценивалось ими как "не научное" или "донаучное". Однако ранние церковнославянские грамматики принадлежат другой методологии: это первые памятники описательных (нормативных и практических) грамматик.

Больше и результативнее всего славянская грамматическая литература XVI–XVII вв., в том числе "Адельфотис", изучалась и переиздавалась в качестве памятников в Украине, особенно во Львове (см. Студинский 1895; Возняк 1921; Нимчук 1985). Украинские исследователи ценили первые церковнославянские грамматики прежде всего как источник сведений о грамматическом строе живого народного языка, что связано с местным национально-культурным движением.

2. Некоторые исследователи рассматривают львовскую грамматику как практическую реализацию представлений о едином – "еллинословенском" языке, который "реализуется или как греческий, или как церковнославянский" (Успенский 1987, 330).

3. Ряд исследователей полагают, что "Адельфотис" мог использоваться для изучения и греческого, и церковнославянского языков: «...грамматика "Адельфотис" составлена таким образом, что могла сразу быть пособием для изучения двух главных языков в тогдашних школах – греческого и церковнославянского» (Мечковская 1984, 40; см. также Нимчук 1985, 49).

4. Роль "Адельфотиса" в становлении восточнославянской грамматической теории.

1. "Адельфотис" находится в тесной связи с языковой ситуацией и филологической традицией XVI в., отражая принципы видения и представления о структуре церковнославянского языка книжников средневековья, лингвистическую идеологию этого времени. "Адельфотис" создан вполне в духе времени, когда господствующей философской идеей была идея универсализма. Так, истории языкознания известны другие пособия, сочетающие в себе описание нового языка и классического: латинско-английская грамматика Дж. Колета и Дж. Лили (1509), в которой, как в "Адельфотисе", объединены грамматики сразу двух языков; Азбука Магия Виржбенты (Краков, 1575), в которой помещены параллельные тексты на латинском и польском языках; Букварь Ивана Федорова (Острог, 1578), содержащий греко-славянские тексты; "Славяно-греко-латинский букварь" Федора Поликарпова (Москва, 1701), содержащий параллельные славянские, греческие и латинские тексты.

2. Составители "Адельфотиса" описывают греческий и церковнославянский языки в рамках одной грамматики, но не отождествляют их в языковом сознании, о чем свидетельствуют замечания авторов грамматики об отсутствии той или иной категории в "словенском" языке. Подобные отступления от греческой модели позволяют провести тонкие наблюдения над особенностями церковнославянского языка.

3. Независимо от того как решается вопрос о замысле и назначении грамматики, фактически в ней есть два языка-объекта – греческий и церковнославянский, и два метаязыка – греческий и церковнославянский.

4. Следует различать язык церковнославянских параллелей греческих примеров и метаязык славянской части "Адельфотиса". В качестве метаязыка в "Адельфотисе" также был принят в основном церковнославянский

язык, однако, как показали наблюдения, в тексте метаязыковых высказываний составители грамматики менее последовательны в соблюдении орфографических норм, чем в примерах и парадигмах. Отступления от норм образцовых церковнославянских текстов в метаязыковых высказываниях "Адельфотиса" объясняются интерференцией живого народного языка в церковнославянском тексте, переводчики славянской части не стремились к материально-языковому противопоставлению языка-объекта и метаязыка. Черты живого народного языка в фактах языка-объекта "Адельфотиса" наблюдаются на всех уровнях языка. Представим их в соответствии с уровневой отнесенностью. В фонетике: 1) передача депалатализованного [ɾ]: бору́са, тво́ру, зру́ и др.; 2) совпадение ы/и в одном звуке после заднеязычных и отвердевшего р: члове́кы – чловеки, нарица́ютсѧ – нары́цаютьсѧ, че́тыри – четыры, крычѸ – воскрикну́, крыло – крыло, оу́гризѣнїе и т. д.; 3) переход л в в: доу́гий – долгий; 4) переход ѣ в и: вида́хъ – оу́вѣдаю; 5) отражение на письме аканья: склонѣнїе и скланѣнїе, рождѸ, но раждахъ; 6) отверждение губных согласных: червѸ – черва, брокѸ; 7) з вместо с в префиксах: зжѸю, зѣ́бѣю, зѣ́шѸсѧ. В морфологии: 1) глагольные формы бѣ́жѸ, потечѸ, оу́бюсѧ; бѹде; совѣ́тъѹмо; ви́вал; дыхаю; 2) Р. п. мн. ч. мѣнѣлауѡвѸ, орлоуѡвѸ, ѣасоуѡвѸ, кранѡуѡвѸ, волѡуѡвѸ, оу́мѡуѡвѸ, стоу́доуѡвѸ, днеуѡвѸ и т. д.; 3) Д. п. ед. ч. м. р. нѹ́тѹ (вместо церк.-слав. нѹ́ти), днѹ (вместо церк.-слав. дѣни); 4) Д. п. мн. ч. древомѸ (вместо древесемѸ). В лексике: прѹ́дѣи, дѣ́вчинка, кошничок, обро́чок, хлопѣ́тѹко, каменѣ́цѸ, заразѸ, гды, вѣлми, тогда, варзо, знагла, долѣ, горѣ, треба и др.

5. Греческий текст иногда побуждал авторов славянской части грамматики обращаться к живому народному языку и находить более удачные переводы некоторых форм, нарушая тем самым церковнославянскую выдержанность. Искусственное противопоставление синонимичных церковнославянской и народной форм используется в "Адельфотисе" для иллюстрации следующих особенностей греческого языка: 1) для различения производного слова и его деривата, имеющего оттенок в значении: νῦν 'ныне, теперь' – ннѣ и νῦν 'именно теперь' – нынѣ́ка; ἄρδω 'поить' – напа́ю и ἄρδεῖω (фреквентативный глагол 'поить') – напа́ваю; 2) для различения греческих глаголов, имеющих одинаковое значение, но образованных с помощью различных аффиксов: δύω – захо́ждѸ и δύμι – захо́жѸ; φοινίκω – червленю и φοινικίζω – чирвеню; futurum от ρέω 'течь': ρεύσω – потѣкѸ и ρύήσω – потѣчѸ; 3) для иллюстрации слитной и неслитной форм Д. п. ед. ч. существительных: δημοσθένης – димостѣнови и δημοσθένης – димостѣнѸ; 5) в качестве примеров разного управления предлога ὑπό: ὑπὸ δένδρον (В. п.) – под дере́комѸ и ὑπὸ δένδρῳ (Д. п.) – под дре́вомѸ; 6) при создании аналогов синонимическому ряду в греческом языке: τότε, τηνικάυτα, τηνικόδε 'тогда' – тогда, тогда, тогда и др.

6. В грамматике "Адельфотис" обнаруживаются черты среднегреческого языка (отражение в орфографии византийского произношения; пропуск графических значков придыхания и подписной йоты и т. д.) в греческой части и живого народного языка в церковнославянской части, однако соответствия в употреблении народных форм (в славянской части грамматики) и среднегреческих форм (в греческой части грамматики) нет.

7. "Адельфотис" является грамматикой не только греческого, но и церковнославянского языка, несмотря на то, что создавался в качестве пособия по греческому языку. Ориентируясь на греческий и византийский канон грамматического описания, авторы грамматики соотносили заимствованные греческие схемы с церковнославянским языковым материалом, проявляя

самостоятельность в подходе к фактам церковнославянского языка и тем самым способствуя становлению и развитию собственной грамматической теории и практики грамматического описания. Заполнение традиционных рубрик своим языковым содержанием требовало от составителей славянской части "Адельфотиса" самостоятельной индуктивной систематизации фактов церковнославянского языка, вследствие чего происходило осмысление его преобразований, осуществляющее своеобразную "подгонку фактов", в результате чего сохраненная в неизменном виде внешняя оболочка начинала вмещать искусственно сгруппированные факты языка. Но в самой этой "искусственности" было очень много чужья, очевидно, что составители церковнославянской части грамматики хорошо понимали не только греческий, но и церковнославянский язык.

8. Внимание к соотношению греческого и церковнославянского языков и обращение к античному грамматическому канону как модели описания своего языка не только способствовали защите, кодификации и нормированию церковнославянского языка, но и содействовали формированию новых методов лингвистического описания, актуальных и для современной науки о языке (перечисление соответствующих флексий, указание на "неправильное" формообразование, описание способов формообразования и т. д.).

9. "Адельфотис" занимает важное место в восточнославянском языкознании, грамматика оказала значительное влияние на становление отечественной лингвистики, теории языка. В ней впервые на церковнославянском языке представлена система понятий и методы, с помощью которых осуществляется грамматическое описание языка. Авторы грамматики не только закрепили прежде созданную в рукописной традиции славянскую лингвистическую терминологию, но и усовершенствовали ее, создав ряд новых удачных терминов, сохранившихся до настоящего времени. В истории традиции "Адельфотиса" примечателен также тем, что здесь впервые представлены композиционные особенности изложения, определившие облик ранних восточнославянских грамматик.

10. Описание церковнославянского языка в "Адельфотисе" выполнено на уровне своего времени. В грамматике представлены основные достижения грамматической теории и практики того времени, в т. ч. способы преодоления коллизии между грамматической схемой греческого языка и славянским языковым материалом, принятые более поздними грамматиками, а также ряд методов, до сих пор используемых в практике создания описательных грамматик.

ЛИТЕРАТУРА

- Бокадорова Н. Ю. Французская лингвистическая традиция XVIII – начала XIX в. Структура и знания о языке. М., 1987.
- Булич С. К. Очерк истории языкознания в России. СПб., 1904. Т. 1.
- Возняк М. Граматика Лаврентія Зизанія з 1596 р. // Записки Наукового товариства імені Шевченка. 1911. Т. 102. С. 11–87.
- Возняк М. Історія української літератури. Львов, 1921. Т. 2: Віки XVI–XVIII Перша частина.
- Житецкий П. Очерк литературной истории малорусского наречия в XVII в. Киев, 1889.
- Засадкевич Н. Мелетий Смотрицкий как филолог. Одесса, 1883.
- Каченовский М. Исторический взгляд на грамматику славянских наречий // Вестник Европы. 1817. Т. 93. С. 186–208.
- Косарик М. А. Роль латыни и античного грамматического канона в формировании современных принципов описания языка (на материале лингвистических памятников Португалии XVI–XVII вв.) // Древние языки в системе университетского образования: их исследование и преподавание. М., 2001. С. 147–156.
- Мечковская Н. Б. Ранние восточнославянские грамматики. Мн., 1984.
- Німчук В. В. Мовознавство на Україні в XIV–XVII ст. Київ, 1985.
- Порядок школьный или устав ставропигийской греко-русской школы во Львове 1586 г. / Издал Я. Головацкий. Львов, 1863.
- Соболевский А. И. История русского литературного языка. М., 1980.
- Студинський К. Адельфотес, граматика видана у Львові 1591 р. // Записки Наукового товариства імені Шевченка. 1895. Т. 7. С. 1–42.

Успенский Б.А. История русского литературного языка (XVI–XVII вв.) // Sagners Slavistische Sammlung. München, 1987. Bd. 12.

Lelewel J. Joachima Lelewela Bibliograficznych ksiąg dwoje, w których rozebrane i pomnozone zostały dwa dzieła Jerzego Samuela Bandtke Historia Drukarni Krakowskich-tudzież Historia Biblioteki Uniw. Jagiell. w Krakowie a przydany Katalog Inskunabulow Polskich. Wilno, 1927 [репринтное воспроизведение издания 1826 г.]. Т. 2.

Prolegomena // Dionysius Thrax. Ars grammatica, qualem exemplaria vetustissima exhibent subscriptis discrepantiis et testimoniis. Lipsiae, 1884. I–VI.

Поступила в редакцию 19.02.2003.

Ольга Сергеевна Зарембо – преподаватель кафедры классической филологии. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Н.Б. Мечковская.

Д.Н. ГОМОН

СИММЕТРИЯ-АСИММЕТРИЯ КАК БАЗА ДЛЯ ЯЗЫКОВЫХ ТИПОЛОГИЙ И МЕСТО В НИХ ОМОНИМИИ

Предложены принципы общей типологической классификации для любых лексических явлений; показано место омонимии в данной классификации, которая базируется на общепсихологических системных категориях симметрии-асимметрии в контексте общей теории систем Ю.А. Урманцева.

The principles of general typological classification are presented for any lexical phenomena. The place of homonymy in this classification is determined as well. This classification is based on general philosophic system categories of symmetry-assymetry, which are presented by the General system's theory of Y.A. Urmantsev.

В лингвистической литературе термин *асимметрия* до сих пор использовался нечасто. Так, в работе С. Карцевского «Об асимметричном дуализме языкового знака» отмечено, что «обозначающее (звучание) и обозначаемое (функция) постоянно скользят по «наклонной плоскости реальности» ... Обозначающее стремится обладать иными функциями; обозначаемое стремится к тому, чтобы выразить себя иными средствами. Они асимметричны; будучи парными (асоуплès), они оказываются в состоянии неустойчивого равновесия. Именно благодаря этому *асимметричному* дуализму структуры знаков лингвистическая система может эволюционировать: «адекватная» позиция знака постоянно перемещается вследствие приспособления к требованиям конкретной ситуации» (Карцевский 1965, 90). В словаре Й. Вахека есть используемые учеными пражской школы термины *симметричная* и *асимметричная* интонация, *симметричные* фонемы (без термина *асимметричные фонемы*) (Вахек 1964, 79–81, 236). Определение категории *симметрии* приводит В.Г. Гак: «...упорядоченность, регулярность, единообразие предметов и явлений объективного мира» (Гак 1980, 41). *Асимметрия* же отражает нарушение упорядоченности, равновесия, устойчивости. В статье об асимметрии в языке отмечено, что она «...проявляется только в двух феноменах: различении центра и периферии; в расхождении означающего (формы) и означаемого (содержания)» (Гак 1998, 47).

Обобщенное определение симметрии дает общая теория систем, представляемая биологом и философом Ю.А. Урманцевым. Симметрией в рамках общей теории систем Урманцева (**ОТСУ**) называется общепсихологическая системная категория, обозначающая совпадение по признакам **П** систем **С** после изменений **И**, т. е. симметрия рассматривается как одна из реализаций абстрактной системы, чаще всего такого объекта-системы (**ОС**), в качестве первоэлементов которого выступают система **С** (определенная система как носитель симметрии) и признаки **П** (инварианты), в качестве отношений единства – отношение принадлежности признаков **П** системе **С**, а в качестве законов композиции – требование принадлежности этих признаков системе как до, так и после изменений **И** (преобразований симметрии) (Урманцев 1988 [а], 192). При других признаках **П** или изменениях **И** те же са-